

БЭТА
Джейн

Отец
ПОДРУГИ

Бэта Джейн

Отец подруги

<https://litres.ru/74373347>

Аннотация

Он появился в её жизни без предупреждения. Сильный, властный и не признающий слова «нет». Его методы пугают, а настойчивость сковывает страх. Но за дорогими подарками и роскошными ужинами скрывается нечто большее. Что на самом деле нужно этому мужчине и почему он выбрал именно её? Чем дальше заходит их опасная связь, тем страшнее становится правда. Сможет ли она спасти их общую тайну, или его мир рухнет от её признания?

Роман выходит в рамках литмоба "Пропать между нами".

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Добро пожаловать в мою новинку!

Все персонажи и события, описанные в данной книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями являются случайными и непреднамеренными.

Колокольчик над дверью прозвенел слишком резко для этого дождливого утра.

- Доброе утро, что будете...

Мой голос застрял в горле, когда я подняла глаза. В дверях стояла он.

Высокий, темноволосый, словно сотканный из ночи и тьмы. Но его прожигающий взгляд я запомнила навсегда. Это тот человек, который поклялся меня уничтожить.

- Привет! - его голос прозвучал сладко, как отравленный мед. - Какая трогательная картина, ты играешь в официантку?

Я машинально шагнула назад, ударившись о кофемашину. Горячий пар обжег руку, но боль казалась такой далекой по сравнению с ледяным ужасом, сжимающим горло.

Пять лет я пряталась, меняли города, фамилии, даты рож-

дения. Но он все равно нашел меня.

- Что... что ты здесь делаешь? - мой голос дрожал так, что слова едва можно было разобрать.

Он медленно прошел между столиками, проводя пальцем по поверхностям, проверяя на пыль.

- Ты даже не представляешь, как долго я тебя искал, - он улыбнулся, и в этом выражении не было ничего человеческого. - Особенно после того, как узнал, что твой Глебушка жив. Сердце упало где-то в районе колен, он знает.

- Кстати, о твоём малыше, - он щелкнул по экрану. Фотография Глеба вчера, он на детской площадке. В той самой синей куртке, которую он так любит.

- Милый мальчик, - прошептал он. - Очень... похож на отца.

Я бросилась к выходу, но он оказался быстрее меня. Его рука вцепилась в мое запястье, ногти впились в кожу.

- Успокойся, я не собираюсь его трогать... пока, - он наклонился так близко, что я почувствовала запах его одеколона, горький миндаль с нотками чего-то металлического. — Но знаешь, что самое смешное?

Я не отвечала, пытаюсь вырваться, но его хватка была как стальные тиски.

- Его папочка даже не подозревает, что у него есть сын. - Его губы искривились в улыбке. - И если ты хочешь, чтобы так и оставалось... тебе придется мне кое в чем помочь.

Колокольчик снова звякнул. В кафе зашел первый посетитель. Он отпустил мою руку, но перед тем как отойти, шепнул.

- Я вернусь завтра. И если ты попытаешься сбежать, то твой сын узнает, каково это - терять близких.

Роман пишется в рамках литмоба "Пропасть между нами"

https://litnet.com/shrt/lb__

Глава 1

Глава 1

Пять лет назад...

Я всегда смеялась слишком громко, мама говорила, что это неприлично. Бывший парень злился, что я «привлекаю внимание». Даже в академии одноклассники косились, когда я заливалась звонким смехом над глупой шуткой. Но в тот вечер в «Эрмитаже» именно мой смех изменил всё.

Мы с Марком и Катей сидели у бара, обсуждая заваленный эскизами дедлайн, когда мой стакан с «Космополитеном» внезапно соскользнул с влажной столешницы и разбился. Я расхохоталась громко, как всегда, а когда подняла глаза, то увидела его.

Темные волосы, идеально подчеркнутые линию скул, взгляд, от которого по спине пробежали мурашки. Он сидел в VIP-зоне, окруженный мужчинами в дорогих костюмах, но смотрел только на меня. Не улыбался. Просто изучал, будто пытался разгадать, настоящий мой смех или фальшивый, я резко отвела глаза.

- Кто это? - прошептала Катя, наклоняясь ко мне.

- Не знаю, - я сделала глоток из ее бокала, чувствуя, как краснею.

- Это Артём Крылов, - флегматично бросил Марк. - Ин-

вестор или типа того. Кто этих блатных разберет.

- Жаль.

Марк только многозначительно поднял бровь.

Я снова рискнула взглянуть в ту сторону. Крылов все еще смотрел на меня. На этот раз в уголке его губ дрогнуло что-то вроде улыбки.

Через пять минут бармен принес нам бутыль шампанского.

- От господина в черном, - кивнул он в сторону VIP-зоны.

- Ого! - протянула Катя. - Верка, вот это ты даешь!

Я хотела отказаться, что-то в этом мужчине пугало, но шампанское было моим любимым. Да и вообще, что такого? Один бокал.

Я подняла бокал в его сторону. Он ответил тем же.

После танцев и выпитого, я пошла в туалет. Один коридор, поворот, еще один в «Эрмитаже» всегда было слишком много зеркал и темного дерева. Я уже тянулась к ручке двери, когда позади раздался голос.

- Ваш смех редкий.

Я обернулась. Он стоял в полуметре, засунув руки в карманы брюк. Блики света скользили по его часам, слишком дорогим для простого «инвестора».

- Спасибо, - я судорожно сглотнула. - Хотя мне обычно говорят, что я ору как сумашедшая.

- Мне нравится, - он сделал шаг ближе. - В моем мире люди либо боятся смеяться, либо делают это в нужных местах.

Искренность... не в цене.

Я не знала, что ответить. Вместо этого спросила.

- Почему шампанское?

- Хотел услышать, как вы рассмеетесь снова.

Губы его почти не двигались, но в глазах было что-то голодное.

- Меня зовут Артем, - вдруг сказал он.

- Вероника.

- Знаю.

Я замерла.

- Бармен сказал, - он улыбнулся, и это было похоже на то, как раздвигается лед на озере: медленно, с треском.

Потом он достал визитку. Черная, без лишних деталей - только имя и номер.

- Если решите, что одного бокала мало.

Когда он ушел, я разглядывала визитку, пытаюсь понять, отчего у меня дрожат пальцы, но придумать так и не могла.

Я разорвала визитку на мелкие кусочки и выбросила в урну у метро, будто избавлялась от улик. Потому что мужчины с такими глазами не для меня. Они приходят, оставляя после себя след из обожженной кожи и разбитых сердец. Они дарят бриллианты, но забирают душу. А я не настолько глупа, чтобы верить в сказки про Золушек и принцев.

Но Вселенная, видимо, решила, что моя история с ним

еще не закончена.

Прошла неделя как я не могла выкинуть его из головы. То и дело мысленно возвращалась в бар и проигрывала как все могло бы быть.

Я стояла за стойкой в «Крекер» — уютном, душном кафе далеко от академии, где пахло жареным кофе и корицей. В руках — питчер с молоком, которое я взбивала в пену для очередного заказа. Парень в очках, сидевший у барной стойки, смотрел на меня так, будто я создаю не латте, а шедевр искусства.

И вот, когда я подняла глаза, чтобы улыбнуться ему, я увидела его.

Он сидел у окна.

Черный свитер, обтягивающий широкие плечи. Те же пальцы, длинные и сильные, лежащие на столе, будто готовые в любой момент сжаться в кулак. И этот взгляд, холодный, пронзающий. Как лезвие, которое уже коснулось кожи, но еще не начало резать.

Кровь ударила в виски так резко, что я чуть не выронила чашку.

- Вероника? - Катя толкнула меня локтем, и я вздрогнула.
- Ты в порядке? Знакомый?
- Нет, - прошептала я, слишком быстро отвернувшись.

Но он уже заметил, что я его увидела.

Через пять минут тетя Люда, хозяйка кафе, подошла ко мне, скрестив руки на груди.

- Вон тот мужчина, - она кивнула в его сторону, - Требуется, чтобы именно ты принесла ему кофе. Лично.

- Я не...

- Не спорь, - прошипела она, сунув мне в руки чашку черного кофе без сахара. - Не задерживайся. У нас очередь.

Я взяла чашку, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Почему? Из-за него? Или из-за того, что я уже знала, этот мужчина не привык, чтобы ему отказывали?

Я сделала шаг. Еще один. Он не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к окну, за которым шел дождь, но я знала, он чувствует мое приближение.

- Я все же надеялся, что вы мне позвоните, - сказал он, не поворачивая головы.

Голос низкий, как гром за горизонтом. Я поставила чашку перед ним, стараясь не смотреть в глаза.

- Визитку потеряла.

Ложь.

Он медленно повернулся. Его глаза встретились с моими, и я почувствовала, как что-то сжимается у меня внутри.

- Жаль. - Он указал на пустой стул. - Составите компанию?

- Не могу. Я работаю.

- Тогда хотя бы скажите, что заказывать.

- Вы уже заказали. Черный. Без сахара.

Он поднес чашку к губам, но не отводил взгляда.

- Вы всегда так... насторожены?

- Только с незнакомцами, которые дарят шампанское.

- Артем, - он протянул руку.

Я не приняла ее.

- Вероника. Но вы уже знаете.

Его губы дрогнули почти улыбка, но нет.

- Вы сегодня не смеетесь.

- Потому что не смешно.

- А что смешно?

- То, что вы думаете, будто я сяду за ваш столик, как толь-

ко вы щелкнете пальцами.

Он поставил чашку и вдруг его глаза изменились.

- Вы ошибаетесь, - он сказал так тихо, что я едва расслышала. - Я не щелкаю пальцами. Я просто получаю то, что хочу.

Мурашки пробежали по спине.

- Ваш кофе остывает, - я сделала шаг назад.

Он не стал меня останавливать, но когда я обернулась у барной стойки, он все еще смотрел на меня. В этот момент зазвонил мой телефон, незнакомый номер, я подняла трубку.

- Потеряла визитку? Не проблема, - его голос прозвучал и в телефоне, и здесь, в зале.

Я резко обернулась, он сидел все там же. Но теперь у его губ была настоящая улыбка, а в руке телефон.

Приветствую вас в своей новой истории!

Если вы хотите поддержать автора, пожалуйста, добавьте книгу в библиотеку.

*Поставьте "Мне нравится", и подпишитесь на автора.
Моя муза будет вам благодарна!*

Глава 2

Я вытерла руки о фартук, сняла его и бросила в корзину для грязного белья. Пальцы все еще пахли кофе и сладким сиропом, но в голове крутилось только одно.

Откуда он узнал мой номер?

Я перебрала все варианты, пока складывала салфетки и пересчитывала чаевые. Может ему сказала катя? Она могла проболтаться, если он подошел к ней, когда меня не было рядом. Но Катя не из тех, кто раздает номера подруг незнакомцам, даже если те выглядят как грешник с обложки глянца.

Или он нашел меня через соцсети? Но я тщательно следила за настройками приватности, и номер там не светился.

А может он просто попросил кого-то его узнать? И вот это... это пугало больше всего. Я резко захлопнула кассу.

- Ты сегодня какая-то нервная, - Катя склонила голову набок. - Это из-за того типа?

- Какого типа? - я сделала вид, что не понимаю, о ком она.

- Ну, который кофе пил. Смотрел на тебя, как будто ты десерт, который он вот-вот собирается съесть.

Я фальшиво рассмеялась.

- Да ладно, просто странный чувак.

- Странный? - Катя закатила глаза. - Верка, да он выглядит так, будто может купить это кафе, только чтобы ты принесла ему еще один кофе.

Я не ответила. Потому что именно это и пугало. На улице уже сгустились сумерки, окрасив небо в грязно-фиолетовый цвет. Дождь прекратился, но весь город будто вымок до нитки - тротуары блестели, как полированное стекло, отражая дрожащие огни фонарей и неоновые вывески. Я плотнее закуталась в свое тонкое пальтишко, которое внезапно стало казаться смехотворно легким для этого промозглого октябрьского вечера. Осень в Петербурге всегда наступала без предупреждения - вчера еще можно было щуриться от солнца, а сегодня уже хотелось спрятаться в самом теплом свитере и не вылезать из-под пледа.

Я зашагала к метро, стараясь обходить особенно блестящие лужи. Ветер норовил сорвать с меня шарф, а каблуки предательски скользили по мокрой брусчатке. Вдруг за спиной раздались шаги.

Тяжелые. Размеренные. Мужские.

Я машинально ускорила шаг, сжимая в кармане ключи так, что металл впился в ладонь. Шаги тоже участились, подстраиваясь под мой ритм. Сердце заколотилось где-то в горле, перекрывая все другие звуки - больше я не слышала ни

шума машин, ни отдаленного гула города, только этот мерзкий стук подошв по мокрому асфальту.

"Это он? Следит за мной?"

Я резко свернула за угол, почти бегом, одной рукой уже вытаскивая телефон, большим пальцем нащупывая кнопку блокировки - 102, нужно набрать 102...

- Вероника!

Голос прозвучал прямо за моей спиной, и я вздрогнула так сильно, что телефон едва не выскользнул из пальцев. Медленно обернулась, готовясь увидеть эти пронзительные глаза и насмешливую улыбку. Но это был не он.

Какой-то незнакомец в потертой кожаной куртке, с тусклой ухмылкой, обнажавшей желтоватые зубы. В его руке была моя барная карточка - та самая, которую я безуспешно искала перед уходом.

- Ты, кажется, что-то потеряла, - протянул он, и его голос звучал как скрип несмазанной двери.

Я осторожно взяла карточку, стараясь не коснуться его пальцев - они были неопрятными, с грязными ногтями и какими-то странными шрамами на костяшках.

- Спасибо, - пробормотала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Незнакомец просто кивнул и растворился в темноте, даже не обернувшись. Я выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно уходит, оставляя после себя лишь легкий стыд за свою паранойю.

Но когда я перевернула карточку, кровь снова застыла в жилах.

Аккуратный, почти каллиграфический почерк, чернила чуть расплывшиеся от влаги:

"Завтра. 8 вечера. Ресторан "Лотос". Не опаздывай."

Ни подписи. Ни номера телефона. Но мне не нужно было никаких подсказок - я сразу поняла, от кого это послание.

Пальцы сами сжали картонку так сильно, что она смялась. Где-то в темноте замигал фонарь, на мгновение осветив мое отражение в витрине - широко раскрытые глаза, перекошенное лицо, губы, сжатые в тонкую ниточку.

Я сжала карточку в кулаке так сильно, что острые углы впились в ладонь, оставляя красные отметины. Но эта физическая боль была ничтожной по сравнению с тем, что творилось у меня внутри.

Он достал мой номер. Как? Каким образом? Я перебирала в голове все возможные варианты, и каждый был хуже предыдущего. Может быть, он подкупил кого-то в телефонной компании? Или... или залез в мою почту? Или, что еще страшнее, просто приказал кому-то разузнать обо мне? Мысли путались, как нитки в распушенном свитере.

Он знал, где я работаю. Это было уже за гранью простого совпадения. "Крекер" - маленькое неприметное кафе, о котором знали только местные. Я специально выбрала его для подработки, чтобы никто из академии не видел меня в фартуке и с подносом в руках. А он нашел. Без труда. Будто я была отмечена на его личной карте города. И теперь оставлял мне сообщения, будто я уже согласилась на это... свидание.

Самоуверенный ублюдок. Наглый, беспардонный... Меня передернуло от ярости. Кто он вообще такой, чтобы назначать мне встречи в таком тоне? "Не опаздывай" - как будто я его подчиненная или, что хуже, его собственность.

Я резко разжала пальцы и снова посмотрела на помятую карточку. Чернила немного расплылись от влаги моих ладоней, но слова по-прежнему читались четко. "Лотос". Дорогой ресторан, куда я никогда бы не попала со своей стипендией. Он, конечно, знал и это.

Самое страшное? Я почувствовала, как в груди разливает-

ся странное, тревожное тепло. Мне было интересно и страшно одновременно.

Интересно, что он скажет. Как посмотрит. Каким тоном произнесет мое имя в следующий раз. Эта мысль пугала больше всего - потому что я понимала: если мне интересно, значит, он уже выигрывает.

Но вместе с интересом пришло и другое чувство - липкий, противный страх, заползающий под кожу.

И жутко. Жутко от того, как легко он вошел в мою жизнь. Жутко от его настойчивости. Жутко от того, что он уже знает обо мне, возможно, больше, чем мои друзья. Я резко вынула карточку в карман и зашагала быстрее, будто пытаюсь убежать от собственных мыслей.

Идти? Нет, бред, не пойду!

Это решение казалось единственно правильным. Разумным. Безопасным. Я представляю, как он сидит там, в своем дорогом ресторане, и злится, что его игнорируют. Может быть, даже разобьет бокал в своей изысканной ярости. И на этом все закончится.

Но где-то в глубине, в самой потаенной части сознания, шевельнулся крошечный, назойливый голосок: "А что, если ты все-таки пойдешь?"

Я зажмурилась, пытаюсь заглушить его. Это было глупо. Опасно. Безумно. Но когда я открыла глаза, то поняла - решение еще не принято. И это пугало больше всего.

Глава 3

Я проснулась с тяжестью в висках, будто всю ночь провела в душном подвале. Первая мысль - «Сегодня восемь вечера» - ударила по сознанию, как ледяная вода.

Потянулась к тумбочке, где вчера бросила ту злосчастную записку. Картонка лежала под книгой, будто я пыталась спрятать её даже от самой себя. Развернула слова всё те же: «Не опаздывай».

Идти? Не идти?

Перевернулась на спину, уставилась в потолок. В съёмной комнате на Васильевском трескалась штукатурка, образуя причудливые узоры. В одном из них угадывался профиль острый подбородок, высокий лоб. Его профиль.

- Чёрт! - прошептала в подушку.

Аргументы против: это ловушка. Он опасен. Я даже не знаю, чего он хочет.

Аргументы за:

...

Вот и всё. Нет ни одного разумного довода. Но почему-то пальцы снова сжали записку, будто пытаюсь вытянуть из неё

ответ. Встала, резко дернув шторы. Питер встретил меня серым, мокрым утром. Туман висел над каналом, как дым после взрыва.

- Ладно, - сказала себе вслух. - Решу позже.

Но мысли не отпускали, пока я чистила зубы, пока натягивала чёрный свитер с вытянутыми локтями, пока варила кофе в крошечной кастрюльке. «Лотос» - дорогой, пафосный, не мой. Я бы никогда туда не пошла.

Но он знал это и именно поэтому выбрал его. Кофе оказался горьким, как мои мысли. Выпила залпом, обожгла язык, хорошее наказание за глупость.

Собрала папку с эскизами, проверила, не забыла ли уголь. Сегодня в художественной - портреты с натуры. Последнее, что мне сейчас нужно - часами всматриваться в чужие лица.

Вышла на улицу. Ветер с Невы тут же запустил пальцы в волосы, растрепал их. Шла быстро, почти бежала, будто могла убежать от собственного решения.

Вариантов было не много. Не прийти. Заблокировать его номер! Жить дальше. Или прийти — и посмотреть, что будет. На мосту остановилась, глянула в воду. Тёмная, глубокая, как его голос.

- Чёрт! - повторила шёпотом.

В художественной было шумно. Однотруппники смеялись, разминались перед холстами. Я машинально достала уголь, начала набрасывать линии. Модель пожилой мужчина с бородой, вдруг стал похож на него. Резкие тени под скулами, холодный взгляд. Скомкала лист, начала заново.

К обеду поняла, не могу так. Нужно отвлечься. После пар зашла в «Крекер», взяла смену. Разносила кофе, улыбалась гостям, мысленно благодарила судьбу за то, что здесь не подают алкоголь, не пришлось бы сегодня видеть пьяные рожи.

Но в перерыве снова достала записку. «8 вечера». Часы показывали половину пятого.

- Всё, - прошептала.

Решила работать сегодня до закрытия, чтобы специально не смотреть на часы. Но в семь тридцать в кафе зашел мужчина во всем черном. Подошел ко мне, из-за наушника в ухе и оружия в кобуре было понятно, охранник.

- Вероника, здравствуйте! - сказал он мне. - Меня попросили отвезти вас в «Лотос».

- Я не поеду!

Мои пальцы вцепились в край стойки так, что суставы побелели. Голос прозвучал резче, чем я планировала, но этот человек в черном с самого начала вызывал у меня желание либо убежать, либо ударить его подносом по лицу.

Охранник даже не моргнул. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, будто мой отказ был просто частью какого-то сценария, который он обязан отыграть.

- Я всё же прошу, - произнёс он ровным, почти механическим тоном.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Он не угрожал. Не повышал голос. Но в этой фразе была такая уверенность, словно он уже знал, чем всё закончится.

- Если ему надо, пусть приезжает сам, - выдавила я сквозь зубы.

Охранник слегка наклонил голову, прислушиваясь к чему-то в своём наушнике. Его глаза, холодные и оценивающие, скользнули по мне, будто сканируя. Я непроизвольно выпрямилась, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

- Хорошо, - наконец сказал он.

Развернулся и ушел. Я осталась стоять за стойкой, сжимая в руках салфетку так, что она порвалась. Работать дальше было невозможно. Я автоматически разносила заказы, улыбалась гостям, но мысли крутились вокруг одного: "Что это было? Почему он так легко отступил?"

Какая-то часть меня уже начала надеяться, что это конец. Что он понял, что я не собираюсь прыгать по его свистку, и оставит меня в покое.

Но другая часть та, что громче шептала: "Это не так просто. Он не сдаётся. Он что-то замышляет."

В одиннадцать вечера я наконец сняла фартук, вышла из "Крекера" и чуть не упала.

Рядом с баром, в тени фонаря, стоял чёрный лимузин, а в нём Артём. Он сидел, откинувшись на кожаном сиденье, один локоть опирался на подлокотник, пальцы слегка постукивали по стеклу. На коленях у него лежал огромный букет алых роз.

И он смотрел прямо на меня. Даже в полутьме я увидела его улыбку медленную, уверенную, торжествующую. "Не опаздывай", - говорила записка, но я опоздала. А он всё равно дождался. И теперь сидел здесь, с цветами, будто знал с

самого начала, что я не смогу отказаться.

Глава 4

Его взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по мне с ног до головы.

- Ты опоздала, - произнес он.

Голос был низким, безразличным, будто он констатировал погодный факт, а не мое неповиновение.

Что-то колючее и острое, похожее на обиду, кольнуло меня внутри. Я подняла подбородок, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Я никогда не опаздываю. Я именно там, где хочу быть, именно тогда, когда хочу. А сегодня я не хотела быть там.

Уголок его губ дрогнул в едва уловимой усмешке. Моя дерзость, казалось, его позабавила.

- Хм... Садись, подвезу до дома.

Фраза прозвучала как приказ, не терпящий возражений. Мое сердце принялось бешено колотиться где-то в горле. Сесть в эту темную, роскошную клетку на колесах?

Нет! Ни за что!

- Я сама, - выдохнула я, резко разворачиваясь к тротуару. Отошла от машины и зашагала прочь, вгрызаясь каблучками в асфальт. Спиной я чувствовала его взгляд, он буквально

но прожигал мне кожу. Каждый нерв был напряжен до предела, я ждала, что вот-вот из машины выскочат его тени в черном, схватят меня за руки, грубо втолкнут в салон. По спине бежали мурашки, было жутко и нереально. Но позади раздался лишь легкий, почти невесомый щелчок двери. Он просто закрыл ее.

Не оборачивайся, иди! — приказала я себе сама, сжимая сумку так, что костяшки пальцев побелели.

Я шла, ускоряя шаг, и сквозь гул в ушах слышала за спиной четкие, размеренные шаги. Твердые каблуки по брусчатке. Они звучали ровно, уверенно, неотступно. Они не спешили меня догнать, они просто следовали за мной, как тень, от которой не скрыться.

- Ты сдаешь кросс? - его голос прозвучал совсем рядом, будто он всегда шел со мной плечом к плечу.

Я вздрогнула и невольно обернулась. Он был здесь, в двух шагах, его плащ развевался на ветру. Он казался таким огромным и чужим на моей привычной, серой улице.

- Нет, - выдавила я, пытаюсь скрыть панику.

- Тогда куда так бежишь? От меня? - он слегка наклонил голову, и в его глазах заплясали опасные искорки. - Ты зря меня боишься.

От этих слов что-то переключилось внутри. Страх никуда не делся, но его сменила какая-то отчаянная, горькая злость. Зря? Он ворвался в мою жизнь как ураган, а говорит, как будто я необоснованно паникую. Я намеренно сбросила ско-

рость, давая ему понять, что не бегу, что он мне не указ. Он тут же поравнялся со мной, подстраиваясь под мой шаг.

- Что вам от меня надо? - спросила я, глядя прямо перед собой. Голос прозвучал хрипло.

- Ты мне просто понравилась, - ответил он, будто это было самое очевидное и простое объяснение в мире. - Разве не так делают люди, когда кто-то нравится?

- Как? - не поняла я.

- Ухаживают.

Меня будто окатили ледяной водой. Ухаживания? Анонимные записки, ожидание у работы, преследование по ночным улицам?

- Ваше поведение далеко от ухаживаний, - процедила я, чувствуя, как краснею от гнева.

Он рассмеялся - тихим, глухим смехом, от которого по коже побежали мурашки.

- Ну, прости, я давно этого не делал, - сказал он, и на его лице расплылась та самая ухмылка, самоуверенная и опасная. В ней не было ни капли раскаяния.

Мы вышли на перекресток. Я резко свернула к остановке, под крышу, где уже стояли несколько замерзших людей.

- Автобус? Seriously? - в его голосе прозвучало неподдельное изумление, будто он увидел нечто экзотическое. -

Может, на машине?

Я повернулась к нему, сложив на груди руки и выдав на лицо самое каменное, безразличное выражение, какое только смогла изобразить.

- А я вас с собой не приглашала.

Его брови удивленно поползли вверх. Казалось, с ним так еще никто не разговаривал. Затем он пожал плечами, и на его лице появилось что-то похожее на азарт.

- Ну что ж, - сказал он, застегивая плащ. - Вспомним, как это было в школьные годы.

И он просто встал рядом со мной под стеклянным козырьком остановки, этот мужчина в безумно дорогом пальто, взирая на проезжающую старенькую «Газель» с видом первооткрывателя, изучающего диковинное племя.

С грохотом и скрипом, будто протестуя, к остановке подкатила огромная, выдавшая виды маршрутка. Её бока были исцарапаны, а стекла мутными от грязи. Спасение. Обыденность. Я рванулась к дверям, втиснулась внутрь в потоке людей, зажав в потной ладони мелочь.

И тут же почувствовала за спиной его присутствие плотное, массивное, смещающее воздух. Он вошел следом, и огромный салон вдруг стал крошечным, тесным, как лифт. Я не оборачивалась, но видела краем глаза, как он, не моргнув, протянул водителю купюру, явно не интересуясь сдачей.

Жест человека, который привык платить за все с лихвой.

Я пробилась к свободному сиденью у окна и уткнулась лбом в холодное стекло, стараясь дышать ровно. Сердце колотилось где-то в горле. Он прошел по салону и... Боже, он сел прямо напротив, развалившись на двух местах с неприужденностью короля, забредшего в хлев. Его колени в идеально отглаженных брюках почти касались моих. Он был слишком большим, слишком ярким, слишком иным для этого мира потрепанных сидений, запаха дешевого табака и влажной одежды.

Чувствовала его взгляд на себе. Пристальный, изучающий, пожирающий. Я делала вид, что с интересом разглядываю потрескавшуюся кожу на сиденье передо мной, узоры на запотевшем стекле, вспоминала таблицу Менделеева — всё, что угодно, лишь бы не встретиться с ним глазами. Каждая мышца была напряжена. Кажется, я даже не дышала, когда мы проезжали очередную кочку, и его колено на секунду коснулось моего. От этого мимолетного прикосновения по телу пробежал разряд тока — смесь паники и чего-то запретного, стыдного.

Казалось, эта поездка длилась вечность. Мир за окном мелькал серыми пятнами, а я была заперта в этом движущемся ящике с ним. Наконец, моя остановка. Я вскочила, едва дверь открылась, и выпорхнула на улицу, жадно глотая холодный воздух.

И снова — четкие, размеренные шаги за спиной. Он вы-

шел следом и догнал меня за два шага.

Мы шли молча. Тишина между нами была густой, звенящей, наполненной всем, что не было сказано. До моего дома оставалось метров сто, когда он вдруг нарушил её.

- Знаешь, - его голос прозвучал неожиданно тихо, без привычной металлической нотки, - Здесь пахнет иначе.

Я вздрогнула и украдкой взглянула на него. Он не смотрел на меня, он вглядывался в темноту двора, в облупленные фасады хрущевок, в чахлые деревца.

- Где? - не удержалась я.

- Здесь. В воздухе. - Он сделал глубокий вдох, будто пробуя вкус ночи на язык. - В моем мире пахнет деньгами. Дорогой кожей, полировкой для оружия, страхом тех, кто ко мне приходит. А здесь... - он обвел рукой пространство вокруг, - Здесь пахнет жизнью. Дешевым кофе из соседнего киоска. Свежим хлебом из булочной. Мокрым асфальтом после дождя. Отчаянием и надеждой одновременно. Это... честно.

Он говорил это с такой неожиданной, пронзительной грустью, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Этот человек, этот царь из мира теней, вдруг показался мне не монстром, а... потерянным мальчиком, который с завистью смотрит в чужой, светлый дом.

- Я давно этого не чувствовал, - добавил он уже почти шепотом, и его взгляд наконец упал на меня. В его глазах не было насмешки, только странная, утомленная серьезность.

Мы дошли до моего подъезда. Я остановилась, не зная,

что сказать. Спасибо? Прощай? Он смотрел на меня, на жёлтую дверь с граффити, на кодовый замок.

- Спокойной ночи, Вероника, - произнес он, и его голос снова обрёл привычную твердость, но в нем теперь чувствовалась какая-то новая глубина.

Он развернулся и пошел прочь, его силуэт быстро растворился в предрассветной мгле. А я осталась стоять, прислонившись лбом к холодной двери, с сердцем, бешено стучащим в такт его удаляющимся шагам, и с одной единственной, парализующей мыслью: самая страшная опасность — это та, что выглядит как спасение. И он только что показал мне её самое человеческое лицо.

Глава 5

Утро началось с тихого, животного ужаса. Я проснулась еще до будильника, и первое, что пронзило сознание — ледяная мысль: Он там. Он ждет у подъезда. Его черный лимузин припаркован у детской песочницы, а сам он, неприступный и холодный, прислонился к стене, чтобы снова устроить мне этот допрос с пристрастием.

Я подкралась к окну, осторожно раздвинула занавеску, сердце колотилось где-то в горле. Двор был пуст. Ни лимузинов, ни мужчин в черном. Только мокрый асфальт, кричащие вороны на голых ветках и одинокая бабушка с авоськой. Я выдохнула, но напряжение не ушло. Это затишье казалось обманчивым, зловещим. Как затишье перед бурей.

Сегодня был зачет. Пропустить — значит подписать себе приговор. Пришлось собираться, будто на эшафот. Каждый звук за дверью заставлял вздрагивать. Я выходила из подъезда, вжимая голову в плечи, озираясь по сторонам. Никого.

Дорога до академии прошла в тумане. Я почти не помнила, как шла, автоматически переступая через лужи. В голове крутилась одна мысль: «Почему я? Что ему от меня надо?»

Академия встретила меня привычным гомоном и запахом масляной краски. Это был мой мир, моя крепость. И сегодня её стены казались особенно ненадежными.

Я пыталась сосредоточиться на натюрморте драпировка, гипсовый куб. Но моя рука не слушалась. Линии выходили кривыми, тени плоскими. Я злилась на себя, на свою слабость, на него, который ворвался и все испортил.

И тут ворвалась она. Аля. Моя Алина, яркая, стремительная, как порыв ветра. Она влетела в аудиторию, смахнула с мольберта чью-то папку и плюхнулась на табурет рядом со мной.

— Ненавижу! — выпалила она, ее глаза горели гневом. — Вот просто ненавижу его всем существом!

Мое сердце упало и замерло. Неужели она что-то знает? Неужели кто-то видел нас вчера?

— Кого? — спросила я, и голос мой прозвучал хрипло, будто я неделю не пила воды.

— Его! Отца! — Аля с силой ткнула мастихином в палитру, оставляя глубокую рану в краске. — Это же надо, Вероника, представляешь? Вчера он вломился ко мне вечером, устроил допрос с пристрастием! «Где была? С кем? Во сколько вернулась?» Смотрел на меня своим ледяным взглядом, будто я не дочь, а подозреваемая на очной ставке!

Я слушала, и по мне будто волной прокатилось облегчение. Она говорила о своем отце. О каком-то другом, далеком и неприятном человеке, не имеющем ко мне никакого отношения. Я мысленно представила его — такого толстого, скупого бургера, тирана в стенах своего дома. И мне ста-

ло так жаль Алю.

— Он ведет себя, как самый настоящий тиран! — продолжала она, не замечая моего замешательства. — Думает, что все можно купить и всем можно приказать! Он вообще не понимает, что такое чувства! Он монстр, холодный и расчетливый! И самое ужасное, что от него не спрятаться. Он вездесущий, как паук в своей паутине.

— Ужас какой, — выдавила я, чувствуя себя немного виноватой за свое первоначальное подозрение. — А чем он вообще занимается? Никогда не рассказывала.

Аля презрительно махнула рукой.

— Официально какой-то «инвестор». Скучно и непонятно. Строит свои финансовые империи, пока я тут на пастели рисую. Деньги, сделки, кабинеты из красного дерева. Фу! Ненавижу этот его мир. Он фальшивый, как его улыбка.

«Инвестор». Слово прозвучало так обыденно, так далеко от того образа таинственного, опасного мужчины, что сложился у меня в голове. Мой Артём (если это вообще его настоящее имя) казался существом с другой планеты ночной, брутальной, непредсказуемой. Аля же описывала банально-богача - трудоголика.

— Может, он просто беспокоится о тебе? — осторожно предложила я, пытаясь быть справедливой.

Аля фыркнула.

— Беспокоится? Нет, дорогая. Это не беспокойство. Это контроль. Это мания величия. Он хочет владеть всем, до чего дотянется. Даже мной.

— Знаешь, что я сделала? — ее глаза блеснули озорным, опасным огоньком. Она понизила голос до шепота. — Я написала на него анонимку. В полицию. Пусть придут с проверкой, побеспокоят его королевские нервы.

— Аля, это опасно! — прошептала я, хватая ее за руку. — Вдруг у него там и правда что-то нечисто? Мало ли, у таких бизнесменов...

— Пусть проверяют! — она гордо вскинула подбородок. — Мне всё равно. Лишь бы насолить ему. Я не боюсь его.

Она была так прекрасна в своем слепом, отчаянном бесстрашии. И так наивна. Она играла с каким-то абстрактным «отцом-бизнесменом», не понимая, во что может ввязаться.

Весь день я провела на иголках. Слова Али о её отце-тиране и моя собственная паранойя смешались в один сплошной комок нервов. Каждый скрип двери в академии заставлял меня вздрагивать. К концу занятий я была морально истощена.

Вышла на улицу, глубоко вдохнув промозглый воздух. Темнело. Фонари зажигались один за другим. Я натянула капюшон и зашагала к дому, почти поверив, что смогу добраться без приключений.

И почти добилась своего. Мне оставалось пройти всего пару сотен метров до своего двора, когда из тени подъез-

да вышел человек. Высокий, в тёмном плаще, с профессионально-сдержанной осанкой. Не он. Один из его людей. Тот самый, что был у «Крекера». Он вежливо, почти незаметно кивнул.

— Вероника, извините за беспокойство. Вас просят подождать всего минутку.

Кровь отхлынула от лица, но в его тоне не было угрозы. Была непоколебимая уверенность, что его просьбу выполнят.

— Я спешу, — попыталась я пройти мимо.

Он сделал небольшой шаг в сторону, мягко блокируя путь, но не хватая меня.

— Я понимаю. Но машина уже подъезжает. Это не займёт много времени.

В его голосе не было ни злости, ни давления. Только спокойная констатация факта, от которой стало ещё страшнее. В этот момент к тротуару бесшумно подкатил чёрный лимузин. Задняя дверь открылась.

Изнутри не последовало никакого приказа, просто тишина. Ожидание.

Человек в плаще молча указал взглядом на открытую дверь. Мои ноги, ватные и предательские, понесли меня сами. Я протиснулась внутрь, и дверь захлопнулась отсекая

внешний мир.

В салоне пахло кожей, дорогим парфюмом и им. Он сидел в противоположном кресле, откинувшись назад, и в полумраке читал что-то на планшете. Свет экрана выхватывал его жёсткий профиль.

Машина тронулась. Мы ехали молча. Он не смотрел на меня, не здоровался, будто моё присутствие было настолько естественным, что не требовало комментариев.

— Что вам нужно? — наконец сорвалось у меня, голос дрожал, выдавая весь страх.

Он медленно перевёл на меня взгляд. Тяжёлый, изучающий.

— Убедиться, что ты дошла домой. Вчера наша прогулка закончилась слишком быстро. Я не успел сказать всего, что хотел.

— Вы можете сказать это сейчас, — пробормотала я, глядя в тёмное окно.

— Сейчас не время и не место, — он отложил планшет. — И ты слишком взвинчена. Я не хочу пугать тебя.

От этих слов стало почти обидно. Он врывается в мою жизнь, сажает меня в машину, а теперь говорит о том, что не хочет меня пугать.

— Тогда зачем всё это? — жестом обвела я роскошный салон.

— Чтобы попросить об одной маленькой уступке, — его голос стал тише, почти просящим. Он наклонился чуть вперёд. — Я хочу иметь возможность написать тебе. Не звонить. Не требовать. Просто... написать. Иногда.

Я смотрела на него, не понимая подвоха.

— Так напишите. Кто вам мешает?

Он тихо вздохнул, и в этом вздохе вдруг прозвучала усталость.

— Ты заблокировала мой номер после первого же звонка. Я не могу до тебя дозвониться. И я понимаю почему, — он поднял руку, предвосхищая мои возражения. — Мои методы были... неуклюжими. Я признаю это.

Он помолчал, глядя на меня.

— Поэтому я прошу. Разблокируй меня. Хотя бы на сутки. Дай мне шанс написать тебе одно-единственное сообщение. Если оно тебе не понравится, ты снова сможешь меня заблокировать. И я... я отступлю. Оставлю тебя в покое. Дам слово.

Сердце бешено колотилось. Это была ловушка. Изящная, вежливая, но ловушка. Он не угрожал, не шантажировал. Он просил. И в этой просьбе было что-то такое, что пробивало все мои защиты.

— И вы больше не будете... этого? — я снова указала на

машину, на его человека за стеклом.

— Не буду. Только одно сообщение. Твой выбор отвечать или нет.

Я медленно, почти против воли, вытащила телефон. Пальцы дрожали. Я зашла в настройки, в чёрный список. Его номер висел там одиноким напоминанием о прошлой ночи. Я задержала палец над кнопкой «Разблокировать».

— Хорошо, — прошептала я. — Одно сообщение.

Я нажала кнопку. Он молча кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, но не злорадное. Скорее... благодарное.

Машина остановилась у моего дома.

— Спокойной ночи, Вероника, — сказал он мягко. — И спасибо.

Я выскочила из салона, не оглядываясь, и почти бегом бросилась к подъезду. За мной не последовали. Лимузин тихо тронулся с места и исчез в потоке машин.

Я стояла в лифте, сжав телефон в потной ладони. Он был разблокирован. И теперь я ждала. Ждала его слова. И сама не знала, боюсь я его или жду.

Глава 6

Лифт с лязгом поднялся на мой этаж. Я вышла, прислонилась спиной к холодной стене в коридоре и закрыла глаза. В ушах стучало: «Одно сообщение. Одно сообщение. Одно сообщение».

Телефон в руке молчал. Он был тяжёлым, как заряженный пистолет.

Я зашла в квартиру, сделала все ритуалы: включила свет, повесила пальто, поставила чайник. Но всё это на автомате, всё моё существо было приковано к молчащему экрану.

Чайник только зашумел, когда телефон наконец завибрировал. Один короткий, сдержанный сигнал. Не звонок именно смс.

Я замерла, боясь посмотреть. Потом, сделав глубокий вдох, открыла сообщение.

Номер Артема: *«Сегодня в академии ты рисовала гипсовый череп. У тебя сморщился лоб, когда ты смешивала краску для теней. Вышло идеально. Ты была вся в работе, и это было прекрасно. Спасибо, что разблокировала. Спи хорошо.»*

Я перечитала сообщение раз, другой, третий. По коже побежали мурашки. Не от страха от чего-то другого.

Он видел меня. Не просто заметил — он рассматривал. В

тот момент, когда я была уверена, что полностью скрыта от него в своей творческой скорлупе, он наблюдал. И запомнил такую мелкую, никому не нужную деталь сморщенный лоб.

Это было не просто сообщение. Это был выстрел снайпера. Точно рассчитанный, попадающий прямо в цель. Он не извинялся, не оправдывался, не требовал ответа. Он просто показал мне, что его внимание — факт. Как восход солнца или дождь за окном.

Я не ответила. Просто стояла с горячим чаем в руках и смотрела на эти слова, пока они не начали расплываться перед глазами.

Легла спать, но сон не шёл. Перед глазами стояло то смс. И его лицо в полумраке машины. И усталость в его голосе, когда он говорил: «Я признаю. Мои методы были неуклюжими».

Утром я снова боялась выходить из дома. Но на этот раз страх был другим. Я боялась не увидеть его лимузин. Боялась, что его слово — «отступлю» — окажется правдой и это пугало ещё больше.

В академии я машинально искала его глазами, в толпе на улице, среди машин. Никого. Аля, как ни в чём не бывало, болтала о новой выставке, о глупом преподавателе, о парне со следующего курса. Я кивала, улыбалась, а сама ловила себя на мысли: «Он видел, как я вчера работала. Значит, он был где-то здесь, рядом...»

Весь день прошёл в напряжённом ожидании, а телефон

молчал. Его слово оказалось твёрдым. Только одно сообщение.

К вечеру я почувствовала себя странно опустошённой. Будто меня лишили какого-то адреналинового допинга, к которому я уже успела привыкнуть за эти сумасшедшие дни.

Я шла домою одна. Возле своего подъезда замедлила шаг, никого. Только ветер гонял по асфальту жёлтый лист и тут телефон в кармане снова завибрировал.

Сердце ёкнуло, я почти выронила ключи, пытаясь достать его. На экране горело то самое имя Артем. Сообщение было коротким.

«Ты сейчас идёшь домой. Ищешь глазами мою машину. Напрягаешься, когда не находишь. Не бойся. Я просто хотел пожелать спокойной ночи.»

Я медленно обернулась, сканируя тёмные дворы, окна соседних домов. Ничего. Пустота. Он видел меня. Прямо сейчас. Откуда? С крыши? Из чёрного стекла чужой иномарки?

Но угрозы в сообщении не было. Была какая-то... щемящая точность. Он не просто следил, он видел меня.

Я замерла посреди двора, сжимая телефон в ледяных пальцах. Второе сообщение, он снова нарушил своё слово. Но я не чувствовала прежнего ужаса. Сквозь тревогу пробивалось острое, колкое любопытство. Откуда?

Мои глаза метались по тёмным окнам, припаркованным машинам, чёрным провалам подъездов. Он где-то здесь, смотрит. Читает меня как открытую книгу. Я сделала шаг,

потом другой, стараясь идти естественно, но спина горела под невидимым взглядом.

В квартире я захлопнула дверь на все замки и, не включая свет, подошла к окну. Во дворе было пусто и безжизненно. Совершенно обычный вечер. Кроме одного я теперь была актрисой в спектакле, зритель которого скрывался во тьме.

Я не ответила, просто поставила телефон на тумбочку и попыталась заниматься делами. Но его слова висели в воздухе, как запах грозы. *«Ты ищешь глазами мою машину»*. Он был прав, я искала.

На следующий день в академии я ловила себя на том, что рассматриваю не только лица прохожих, но и окна противоположных зданий, наблюдаю за обычными людьми в рабочей одежде, водителями, застывшими в пробке. Каждый мог быть его «глазами». Паранойя стала моей тенью.

Аля, как всегда, была солнечным пятном в этом сером дне.

— Ты какая-то печальная сегодня, — хлопнула она меня по плечу. — Всё в порядке? Тот крендель с прошлой недели не появлялся?

«Тот крендель» — я сжала зубы, заставляя себя улыбнуться.

— Всё норм. Просто не выспалась.

— Ага, конечно, — она прищурилась. — У тебя что-то

случилось. Ты вся на иголках. Может, познакомилась с кем-то? — она подмигнула.

Горький комок подкатил к горлу. “Да, Аля. Познакомилась.”

— Нет, — буркнула я. — Просто завал с проектами.

Она что-то ещё болтала, но я уже почти не слышала. Мой телефон лежал в кармане куртки, и я каждые пять минут проверяла его, словно он мог взорваться.

Он взорвался вечером не смс, звонок.

Я смотрела на подсвеченный экран, на тот самый номер, и сердце уходило в пятки. Он сказал — только сообщения. Он обещал. Звонок был нарушением всех договорённостей. Но что, если что-то случилось?

Я приняла вызов, поднеся дрожащий аппарат к уху, но не сказала ни слова.

— Вероника. — Его голос. Низкий, спокойный, без намёка на извинения. — Ты дома?

— Вы... вы сказали не звонить, — выдавила я, пытаюсь вложить в голос упрёк, но получился лишь испуганный шёпот.

— Я знаю, — он ответил просто. — Но я не могу передать сообщением то, что хочу сказать сейчас. Ты можешь подойти к окну?

Ледяная полоса прошла по спине. К окну?

— Нет.

— Ладно, — он не стал настаивать. — Тогда просто слушай. Я смотрю на твоё окно сейчас. В нём тёмно. Я знаю, что ты там. И я знаю, что ты боишься. Но я также вижу, как ты каждый вечер, перед сном, подходишь к нему и смотришь вниз. Ищешь. Ты ждёшь меня, Вероника. Так же, как я жду тебя.

От этих слов перехватило дыхание. Он снова был прав. Я ждала. Каждый вечер. И он видел и это.

— Я не жду, — солгала я, и голос мой дрогнул.

Он тихо рассмеялся тёплый, глухой звук в трубке.

— Лжёшь. Но это красиво. Слушай, я звоню, чтобы сказать одно. Завтра. Завтра в семь вечера я буду ждать тебя у входа в Летний сад. Я буду ждать один. Без машин. Без моих людей. Только я. Придёшь хорошо. Не придёшь... — он сделал паузу, и в ней повисла вся тяжесть его мира. — Не придёшь, я пойму, что ты действительно хочешь, чтобы я исчез. И я исчезну. Окончательно.

Он не ждал ответа просто положил трубку.

Я стояла посреди тёмной комнаты, с телефоном, гудевшим в ухе, и пыталась осмыслить его ультиматум. Встреча с глазу на глаз без свидетелей, без его бронированного кокона.

Страх кричал: «Нет! Ни за что! Это ловушка!»

Но что-то другое, тёмное и запретное, что уже успело пустить корни в моей душе, шептало: «А что, если?..»

Он видел меня насквозь. И он знал, что я приду.

Глава 7

На следующий день я шла к Летнему саду, словно сумасшедшая. Вернее, не шла меня несло какое-то постороннее течение, а собственные ноги были ватными и плохо слушались.

Внутри всё кричало и цеплялось за края. «Развернись. Убегй. Он опасен. Он играет с тобой». Но было и другое тягучее, горькое любопытство, которое оказалось сильнее страха. «А что, если?.. Кто он? Почему я? Что он скажет?»

Я помнила его ультиматум. «Без машин. Без моих людей. Только я». И сама не знала, во что верю меньше в его слово или в свое благоразумие.

Подходя к ажурным воротам, я замедлила шаг. Сердце колотилось где-то в горле, руки похолодели, несмотря на теплые перчатки. И тогда я увидела его.

Он стоял в стороне от потока людей, прислонившись к чугунной оgrade. Не в своем привычном темном пальто, а в длинном практичном плаще, руки в карманах. Он смотрел не на меня, а куда-то вдаль, будто просто отдыхал, как обычный человек. И в этой обычности было что-то самое пугающее.

Сделав последний предательский шаг, я остановилась в двух метрах от него. Он медленно повернул голову. Его

взгляд был спокоен, без привычной насмешки или тяжести. В нем читалось лишь ожидание.

- Ты пришла, - произнес он. Не как констатацию факта и не как победу. Просто констатировал.

Я не нашла, что ответить. Просто стояла, сжимая ручки сумки так, что пальцы затекали. Он оттолкнулся от ограды и сделал шаг ко мне. Не для того, чтобы сократить дистанцию, а скорее, чтобы нас не снесла толпа прохожих.

- Пойдём, - сказал он негромко, и это прозвучало не как приказ, а как предложение, приглашение.

Он повернулся и пошёл по аллее, даже не оглянувшись, будто был абсолютно уверен, что я последую. Что во мне не осталось ни капли воли, чтобы сделать иной выбор.

И он не ошибся. Мои ноги сами понесли меня за ним, сохраняя дистанцию в пару шагов. Я смотрела на его спину, на то, как ветер шевелит темные волны его волос на затылке, и думала, что сейчас он обернётся — и я увижу в его глазах торжество. Но он просто вёл меня вглубь сада, к пустынным в этот час аллеям.

Он остановился у старого дуба, оголённые ветви которого скрипели на ветру, наконец обернулся. Его лицо было серьёзным.

- Спасибо, - сказал он. - Я знал, что ты смелая.

- Я не смелая, - выдохнула я. - Я просто... не понимаю.

- Что именно? - он склонил голову набок, изучая меня.

- Всё. Вас. Этого, - я развела руками, пытаюсь объять

необъятное. - Зачем вам всё это? Зачем я вам? Вы можете получить любую. Почему именно я?

Он помолчал, его взгляд скользнул по оголённым ветвям, будто ища ответа там.

- Когда ты последний раз чувствовала что-то по-настоящему? - спросил он вдруг, и его голос притих. - Не рисовала чувства, а проживала их? Страх? Гнев? Желание? Настоящее, обжигающее, до дрожи в коленях?

Я не ответила. Не могла.

- Я живу в мире, где всё сделка, - продолжил он тихо. - Где каждое слово имеет цену, каждое движение расчет. Где даже улыбка это оружие или щит. А потом я увидел тебя и твой смех. Ты смеялась так, словно это было единственное, что имеет значение в тот момент. Без расчета. Без задней мысли. Просто... потому что тебе было весело. И этот звук... он прожёл во мне всё.

Он сделал паузу, и в тишине между нами повис только скрип старых ветвей.

- Я подумал, что хочу услышать его снова. Близко. Хочу помнить, что такое бывает, что это возможно.

Его слова висели в холодном воздухе, такие же голые и честные, как ветви деревьев вокруг. В них не было ни романтики, ни лести. Была лишь страшная, обнажённая правда человека, который признавался не в любви ко мне, а в тоске по чему-то настоящему. По чему-то, что он увидел во мне, как

в единственном источнике света в своём тёмном, выстроенном из расчётов мире.

Я смотрела на него, и страх внутри начал медленно менять свою форму. Он не растворялся, нет. Но он переставал быть слепым животным ужасом и становился чем-то более осозанным, более острым. Пониманием масштаба той пропасти, что соединила наши жизни. И того, насколько опасно подходить к её краю.

- Вы хотите использовать меня, - прошептала я, не как обвинение, а как констатацию. - Как глоток свежего воздуха. А потом, когда надоеет или станет сложно... выдохнуть.

Он не стал отрицать, не стал клясться в вечной любви. Он лишь внимательно посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

- Я хочу... дышать, пока ты рядом. А что будет потом не знает никто. Даже я. Я не прошу тебя доверять мне. Я прошу... дать себе шанс посмотреть, что будет дальше. Без моих машин. Без давления. Только ты и я. Как сегодня.

Он протянул руку не чтобы взять мою, а жестом, указывающим на аллею перед нами. На пустынную, засыпанную жёлтыми листьями дорожку, уходящую вглубь сумеречного сада.

- Просто прогулка, Вероника. Всего лишь прогулка. Твой выбор - повернуться и уйти. Или пойти со мной.

Глава 8

Я смотрела на его протянутую руку. На аллею. На возможность.

В горле стоял ком. Вся логика, все инстинкты самосохранения кричали одно: «Беги!». Но что-то другое, более тихое и куда более опасное, шептало: «А что, если он прав? Что если это всего лишь прогулка?»

Я сделала шаг, не назад, а вперёд. По направлению к аллее.

- Только прогулка, - сказала я тихо, но твёрдо, ловя его взгляд. - И никаких обещаний.

Уголки его губ дрогнули в едва уловимой улыбке не торжествующей, а... какой-то облегчённой.

- Никаких обещаний, - согласился он.

Мы пошли. Он на расстоянии вытянутой руки, не пытаясь его сократить. Молчание поначалу было тяжёлым, неловким. Я чувствовала каждый его взгляд на себе, каждый свой неловкий шаг.

- Расскажи о себе, - наконец нарушил он тишину. Его голос звучал приглушённо, растворяясь в вечернем воздухе.

- Что рассказать? - я пожала плечами, глядя на свои бо-

тинки, утопающие в листве. - Я учусь. Работаю в кафе. Рисую. Всё.

- Это не «всё», - мягко поправил он. - Это что. А я спросил о себе. Что ты любишь? Чего боишься? О чём мечтаешь, когда думаешь, что никто не видит?

Его вопросы были простыми и одновременно пронзительными. Они не касались фактов, они касались меня. Той, что пряталась за фактами.

- Я... не знаю, - призналась я, и это была правда. Его вторжение в мою жизнь было таким стремительным, что у меня не осталось времени просто быть собой.

- Вот видишь, - он кивнул, как будто что-то понял. - Мы в этом похожи. Я тоже иногда забываю.

Мы вышли к пруду. Вода была тёмной, неподвижной, в ней отражались огни фонарей и силуэты голых деревьев. Он остановился и достал из кармана плаща пачку сигарет.

- Не против?

Я покачала головой. Он прикурил, и в сумерках ярко вспыхнуло пламя зажигалки, на секунду высветив его резкие черты лица, скрытые тенью. Запах табака, незнакомый и дорогой, смешался с запахом влажной земли и гниющих листьев.

- Я не хочу тебя пугать, Вероника, - сказал он вдруг, вы-

пуская струйку дыма. - И не хочу тебя терять. Найди в себе силы просто... побыть рядом. Посмотреть, что из этого выйдет. Без ожиданий. Без правил.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде не было привычной непреклонности. Была усталость. И та самая тоска, о которой он говорил.

- Хорошо, - прошептала я, сама не веря в то, что говорю.
- Только прогулки.

Он кивнул, и на его лице появилось что-то похожее на благодарность.

- Тогда я провожу тебя до дома. Только провожу. На этот раз пешком.

Мы пошли обратно, и на сей раз тишина между нами была уже не неловкой, а задумчивой, насыщенной невысказанным. Он не пытался меня трогать. Не пытался шутить или импровизировать. Он просто шёл рядом, и его молчаливое присутствие было странно успокаивающим. У моего подъезда он остановился.

- До завтра, Вероника.

- До завтра, - автоматически ответила я и, не оборачиваясь, скрылась в подъезде.

Поднявшись в квартиру, я первым делом подбежала к окну. Он всё ещё стоял внизу, задумчивый и одинокий, глядя на мой этаж. Потом отряхнул пепел с сигареты, развернулся

и медленно зашагал прочь.

И только тогда я почувствовала, как дрожь, которую я сдерживала все эти полчаса, наконец вырвалась наружу. Я дрожала не от страха. А от понимания, что точка невозврата осталась далеко позади. Что я уже сделала свой выбор. И что завтра всё начнётся снова.

Я не подходила к окну, чтобы проверить, ушёл ли он, не было сил. Я просто стояла посреди комнаты, прислушиваясь к гулу в собственных ушах и к бешеному стуку сердца. Его слова висели в воздухе, смешиваясь с запахом его дорогого табака, который въелся в волосы и шарф.

«Я не хочу тебя пугать. И не хочу тебя терять».

Просто. Сложно. Страшно.

Телефон молчал. И в этой тишине было что-то новое. Не угроза, а ожидание. Как пауза между тактами в музыке, когда уже знаешь, что будет дальше, но всё равно замираешь.

Утром я проснулась с ощущением подвешенности. Мир не рухнул. Небо за окном было привычно серым, но что-то сдвинулось. Сдвинулось во мне.

В академии я ловила себя на том, что ищу его глазами не из страха, а с каким-то странным, щемящим предвкушением. Искала в толпе его высокую, прямую фигуру. Но его не было. Он сдержал слово.

Аля, как всегда, была солнечным пятном.

- О, смотри-ка, ты сегодня почти что человек! - она ух-

мыльнулась, заглядывая мне в лицо. - Даже круги под глазами почти сошли. Небось, наконец выпалась?

Я заставила себя улыбнуться. Предательское чувство вины кольнуло под ложечкой.

- Да, что-то вроде того.

- А то! Я уже думала, ты свихнулась на своей работе и учёбе. Говорила же надо развлекаться. Вот, кстати, - она хлопнула себя по лбу, - В субботу вечеринка у Лёхи с курса. Его родители на дачу укатали. Тащись с нами, а? Отвлечёшься.

Обычно я бы отказалась. Но сейчас её предложение прозвучало как спасательный круг. Нормальность. Обычная студенческая вечеринка с дешёвым вином и глупой музыкой. Всё, что было полной противоположностью ему.

- Давай, - вдруг согласилась я. - Я зайду.

Аля подпрыгнула от восторга.

- Да ты что! Наконец-то! Обязательно! Будет жарко!

Она что-то ещё кричала мне вслед, но я уже почти не слышала. Мой телефон наконец завибрировал в кармане. Одно единственное сообщение.

Артем: «В 18:00 у памятника Крылову. Если захочешь.»

Никаких «жду». Никаких «приходи». Просто время, место и возможность выбора.

И самое ужасное было в том, что я уже знала свой ответ. Я знала его ещё вчера вечером, стоя у того самого дуба.

Я не ответила на сообщение. Просто в 17:55 я уже стояла на набережной Фонтанки, кутаясь в пальто и делая вид, что рассматриваю бронзовых персонажей басен дедушки Крылова. Внутри всё замирало от противоречий: я ждала его добровольно.

Он появился ровно в шесть, без опозданий. В том же длинном плаще, снова без своей свиты. Он подошёл не сзади, а так, чтобы я его увидела, давая время сбежать.

- Ты пришла, - снова констатировал он. В его голосе не было удивления. Было... удовлетворение.

- Я просто гуляю, - буркнула я в ответ, отводя глаза к каменной фигуре ворона с сыром.

- Я тоже, - он легко подхватил мою версию. - Удачно пересеклись.

Мы снова зашагали вдоль воды. На сей раз тишина была проще, менее натянутой. Он не задавал пронзительных вопросов. Говорил о нейтральном — о архитектуре, о погоде, о книге, которую случайно купил вчера. Он был умён, начитан и ироничен. И с каждой минутой образ холодного монстра из лимузина трещал по швам, выявление сложного, глубокого мужчину с грустными глазами. Мы дошли до Летнего сада и снова свернули в аллеи. И тут он вдруг остановился.

- Знаешь, - сказал он, глядя куда-то мимо меня, - Я сегодня целый день думал о том, что сказал вчера. О том, чтобы не пугать тебя и понял, что это невозможно.

У меня похолодело внутри.

- Почему?

Он наконец посмотрел на меня. Его взгляд был прямым и тёмным.

- Потому что моя жизнь это опасность, Вероника. Она неотделима от меня. И если ты действительно решишь... быть рядом, то однажды она постучится и в твою дверь. Я могу отвести от тебя прямое попадание. Но от шепота за спиной, от взглядов незнакомцев, от необходимости оглядываться... я не смогу тебя защитить. Это плата за вход в мой мир. И ты должна это понимать. Уже сейчас.

Он не пытался быть милым. Не пытался соблазнить. Он предупреждал. По-своему — честно.

Я смотрела на него, на его серьёзное, уставшее лицо, и понимала, что он не играет. Это была самая честная его речь.

- Почему вы мне это говорите? - прошептала я.

- Потому что, - он сделал шаг ко мне, и на этот раз дистанция между нами сократилась почти до нуля. Он не прикасался ко мне, но я чувствовала исходящее от него тепло и силу. - Потому что я уже не могу тебя отпустить. Но ты ещё можешь уйти. Сейчас. И я не посмотрю вслед. Это твой последний шанс на спокойную жизнь, Вероника. Решай.

Он замер, дав мне время. Дав мне выбрать свою судьбу. И впервые за все эти безумные дни я не видела в его глазах ни

игры, ни тоски. Только суровую, безжалостную правду.

Глава 9

И я поняла, что уже сделала выбор. Ещё в тот момент, когда не повернула назад у чугунных ворот.

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его кожи, смешанный с холодным воздухом и дымом. Его дыхание ровное, будто он просто ждал ответа на деловое предложение, а не решал чью-то судьбу. Мою судьбу.

Внутри всё сжалось в тугой, болезненный комок. Страх кричал: «Беги! Пока не поздно!». Но был и другой голос. Тихий, настойчивый, рождённый где-то в глубине за все эти дни его неотступного присутствия, его странной, искренней честности. Голос, который шептал: «А что, если это оно? Та самая настоящая, обжигающая жизнь, о которой он говорил?»

Я посмотрела ему прямо в глаза. В эти тёмные, бездонные глаза, в которых сейчас не было ни лжи, ни насмешки, только вызов и ожидание.

Я сделала не шаг назад. Я сделала шаг вперёд. Совсем небольшой. Так, что носки наших ботинок почти соприкоснулись.

- Я уже испугалась, - сказала я тихо, и мой голос не дрогнул. - В тот первый день, у машины. И во второй. И вчера. Этого достаточно. Не нужно меня больше пугать. И не нуж-

но отпускать.

Я видела, как что-то изменилось в его лице. Не расслабление, нет. Скорее... принятие. Как будто он годами нёс на плечах неподъёмный груз, и только сейчас позволил себе почувствовать его тяжесть или разделить её.

Он медленно, почти с нежностью, протянул руку. Не чтобы схватить мою. Он просто коснулся кончиками пальцев моей щеки. Его прикосновение было шершавым, тёплым и до жути реальным. Таким реальным, что по коже побежали мурашки.

- Хорошо, - выдохнул он, и в этом одном слове было больше обета, чем в тысяче клятв. - Значит, идём дальше.

Он не поцеловал меня, не обнял. Он просто опустил руку и снова спрятал её в карман плаща, как будто этого мимолётного прикосновения было достаточно, чтобы скрепить нашу странную договорённость.

- Пойдём, я провожу тебя, - сказал он уже обычным, чуть усталым голосом. - Становится холодно.

Мы пошли обратно к выходу из сада. И на сей раз он шёл так близко, что его плащ иногда касался моего пальто. И это маленькое, случайное прикосновение ощущалось острее любой ласки. Это было знаком. Печатью. Началом чего-то нового и пугающего. Он проводил меня до самого подъезда. Остановился, как вчера.

- Завтра, - сказал он не как вопрос, а как констатацию факта.

- Завтра, - кивнула я.

И прежде чем исчезнуть в подъезде, я увидела, на его губах едва заметную улыбку. Не торжествующую, счастливую.

Поднявшись в квартиру, я не подошла к окну. Я уже знала, что он уйдёт. И знала, что вернётся.

Телефон лежал на тумбочке молча. Но его молчание было уже другим. Оно было наполненным. Как пауза в диалоге, который только начался.

Я посмотрела на свои краски, на начатый эскиз. И вдруг поняла, что все оттенки серого на палитре теперь казались мне пресными. Мне захотелось ярких, ядовитых, опасных цветов. Именно таких, каким было его присутствие в моей жизни.

Завтра. Всего лишь завтра. Но это «завтра» тянулось передо мной, как долгая, неизведанная дорога. И я уже не боялась на неё ступить.

На следующий день всё было иначе. Я проснулась не с тревогой, а со странным, щемящим чувством ожидания. Как будто я съехала с привычных рельсов и теперь катилась куда-то в неизвестность, и от этого захватывало дух.

В академии я пыталась сосредоточиться на скетчах, но линии были нервными, живыми. Я ловила себя на том, что рисую не гипсовые формы, а отражение света в тёмных глазах, резкую линию скулы, тень от упавшей пряди волос. Я стирала уголь и злилась на себя, но через минуту руша снова вы-

водила те же контуры. Аля, конечно, заметила.

- О! - протянула она, подкравшись сзади и заглядывая через плечо. - У нас тут что, новый муз объявился? Это кто? Тот бармен из «Крекера»? Симпатичный, я видела!

Я резко прикрыла альбом ладонью, чувствуя, как горит лицо.

- Отстань, просто тренируюсь.

- Ага, конечно, - она подмигнула. - Ты вся светишься, как новогодняя ёлка. Готовься, на вечеринке завтра выложишь все карты! Придётся отбивать тебя от поклонников.

Мысли о вечеринке, которую я так опрометчиво пообещала посетить, теперь вызвали лёгкую панику. Как я буду там, среди обычных людей, с их обычными проблемами и лёгким флиртом, когда моя собственная жизнь превратилась в триллер?

После занятий я почти бежала домой, на ходу проверяя телефон. Ничего. Тишина. И это молчание стало новым видом пытки — не страха, а нетерпения.

Он написал ровно в шесть. Не предлагая встречи. Не спрашивая ни о чём.

Номер Артема: «Ты сегодня рисовала меня. У тебя сморщился лоб, когда не получалось поймать линию. Получилось.»

Я замерла посреди комнаты, сжимая телефон. Он снова

был там. Наблюдал. И на этот раз его сообщение не пугало. Оно согревало изнутри, как глоток крепкого алкоголя. Он видел. Он заметил. И ему понравилось.

Я не сдержалась, ответила впервые.

Я: «Это было ужасно. Я всё перечеркала.»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Нет. Это было искренне. Искреннее всегда ценно. Даже если неидеально.»

Я улыбнулась своему отражению в тёмном экране телефона. Он снова был прав, по-своему, жутко прав.

На следующий вечер я одевалась на вечеринку с каменным лицом. Надела самое простое чёрное платье, собрала волосы в хвост. Я не хотела идти. Хотела ждать его звонка, его сообщения. Хотела, чтобы этот странный, параллельный мир, в котором существовали только мы двое, никогда не заканчивался.

Аля ворвалась в комнату, сияющая, в блёстках и с накладными ресницами.

- Ты серьёзно в этом пойдёшь? - она скептически оглядела меня. - Ладно, ничего, я тебя там приведу в чувство! Поехали, такси ждёт!

Вечеринка оказалась именно такой, как я и ожидала: громкой, тесной, душной. Музыка была в виски, кто-то пролил на меня что-то сладкое и липкое, Аля куда-то исчезла в толпе с каким-то парнем. Я прижалась к стене с пластиком.

вым стаканчиком в руках, чувствуя себя чуждым элементом в этой системе.

И тут телефон снова вибрировал.

Артем: «Ты не на своём месте.»

Я обернулась, инстинктивно вглядываясь в толпу. Его здесь не было. Я в этом была уверена.

Я: «Откуда ты знаешь?»

«Потому что ты не смотришь по сторонам с интересом. Ты ждёшь, когда это закончится. И потому что на тебе то самое чёрное платье, в котором ты рисуешь по вечерам. Ты даже не стала меняться.»

По спине пробежали мурашки, он знал. Он знал обо мне абсолютно всё, каждую мелочь.

Я: «Может, ты просто придешь и вызволишь меня отсюда?»

Я отправила это сообщение и тут же пожалела. Прозвучало как каприз, как слабость. Ответ пришёл через минуту.

«Спускайся. Выйди на улицу.»

Сердце ёкнуло. Он здесь? Я отставила стаканчик и, борясь с толпой, пробилась к выходу.

На улице было прохладно и пусто. Ни его, ни его людей. Только припаркованные машины и одинокий прохожий в дальнем конце улицы.

Телефон завибрировал.

«Поверни налево. Иди до конца переулка.»

Это было безумием. Идти в тёмный переулок одной ночью

по команде незнакомца. Но это был он. И его команды уже стали для меня законом.

Я пошла, каблуки громко стучали по брусчатке. В переулке было темно и тихо.

«Остановись.»

Я замерла. И тут из тени старого арочного проёма вышел он. Не в плаще, а в тёмном свитере и джинсах. Выглядел моложе, обычнее. И от этого ещё опаснее.

- Я не мог оставить тебя там, - сказал он тихо, подходя совсем близко. - Среди всего этого шума. Ты здесь не принадлежишь.

- А где я принадлежу? - выдохнула я, глядя на него.

Он не ответил. Вместо этого он снял с себя свой тёмный, мягкий шерстяной шарф и обернул его вокруг моей шеи. Действие было простым, интимным, заботливым. Шарф пах им. Табаком, холодным воздухом и чем-то неуловимо дорогим.

- Тебе холодно, - просто сказал он. - Пойдём, я отвезу тебя домой.

На этот раз я без колебаний села в подъехавший через минуту тёмный внедорожник. Он сел рядом. В салоне пахло им и его шарфом. Мы ехали молча. Он не отпускал мою руку. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми. И в этом не было ничего угрожающего. Только уверенность. Принадлежность. Он проводил меня до двери.

- Завтра, - сказал он, как заклинание.

- Завтра, - кивнула я.

И прежде чем войти, я поднялась на цыпочки и быстро, почти не касаясь, поцеловала его в щёку. Потом рванула в подъезд, не оглядываясь.

Телефон молчал до самого утра. Но его шарф лежал на моём стуле, напоминая, что это не сон, что завтра всё продолжится. И послезавтра. И что я уже не хочу, чтобы это заканчивалось.

Глава 10

Утро началось с запаха его шарфа. Я проснулась и первое, что увидела — тёмную шерсть на спинке стула. Я не стала убирать его. Он был как якорь, как доказательство того, что вчерашний вечер не приснился.

В академии я чувствовала себя иначе. Более уязвимой и в то же время — защищённой. Как будто на мне был невидимый щит, который видела только я. Аля тут же заметила перемену.

— Ну что, признавайся, — она приперла меня к мольберту, сверкая глазами. — Ты сбежала вчера с кем-то! Я видела, как ты умчалась в такси! Кто он? Откуда? Быстро рассказывай!

Я покраснела.

— Да так... Случайно познакомились. Не стоит внимания, — я пожала плечами, делая вид, что с упоением смешиваю охру.

— Враньё! — Аля ткнула меня в бок. — Ты вся светишься! Он тебе очень нравится! Как зовут-то?

Имя. Простое, обычное имя. Но я не могла его выдумать. Всё, что приходило на ум, казалось жалкой пародией на него.

— Артём, — наконец выпалила я первое, что пришло в

голову, и тут же почувствовала прилив стыда. Я назвала его настоящим именем? Или это было просто случайное совпадение?

— Артём? — Аля задумалась. — Ничего так имя. А чем занимается? Сколько лет? Покажи фото!

— Работает... в сфере инвестиций. И нет, фото нет. Он не любит фотографироваться.

Аля закатила глаза.

— Ох уж эти твои таинственные незнакомцы! Ладно, храни свои секреты. Но смотри, если он окажется мудаком, я лично найду его и отпинаю!

Её слова прозвучали как удар колокола. Она бы так и сделала. Бросилась бы защищать меня от любого, кто причинит боль.

После пар я вышла на улицу в странном состоянии — между эйфорией и паникой. Он не писал весь день, не звонил. Его шарф на моём стуле казался немым укором. Может, я переступила какую-то черту? Может, мой порывистый поцелуй отпугнул его?

Я шла по набережной, не в силах усидеть дома. Ветер с Невы рвал с деревьев последние листья, гнал их по асфальту. Я закуталась в своё пальто, но холод был внутри.

И вдруг я увидела его. Не его самого — его человека. Того самого, в тёмном плаще. Он стоял у парапета, словно просто любуясь видом на воду. Но когда я поравнялась с ним, он

мягко и безошибочно встал на моём пути.

— Вероника, — кивнул он. — Вас просят. Всего на минутку.

Он не указывал на машину. Он просто повел меня к чёрному внедорожнику, припаркованному в сторонке. Я уже не сопротивлялась. Я почти побежала к нему, управляемая страхом, что что-то не так.

Дверь открылась. Внутри сидел он. Без пальто, в одном тёмном свитере. Руки он держал на коленях, и я заметила, что костяшки пальцев были сбиты в кровь.

— Садись, — сказал он тихо. Его голос был хриплым, усталым до предела.

Я вползла в салон, хлопнула дверью.

— Что случилось? Ты... Ты ранен?

Он посмотрел на меня. В его глазах была такая усталость, такая бездонная, чёрная усталость, что мне захотелось обнять его, как раненого зверя.

— Нет. Это не моя кровь.

От этих слов стало холодно. Он прочёл мой ужас во взгляде.

— Не смотри на меня так. Иногда... иногда нужно делать то, что нужно делать. Чтобы защитить то, что важно.

Он потянулся к перчаточному ящику, достал влажную

салфетку и начал медленно, методично стирать кровь с рук. Движения были точными, почти медицинскими. Я не могла отвести глаз.

— Ты боишься меня сейчас? — спросил он, не глядя на меня.

Я хотела сказать «да». Кричать «да». Но вместо этого я молча покачала головой. Потому что сквозь ужас пробивалось что-то другое острое, жгучее понимание. Это и была его жизнь. Тёмная, жестокая, реальная. И он только что приоткрыл мне на неё дверь.

Он закончил вытирать руки.

— Мне нужно было тебя видеть, — сказал он просто. — Чтобы помнить, ради чего всё это.

Он повернулся ко мне, и в его взгляде не было ни оправданий, ни сожалений. Была лишь та самая, обжигающая правда.

— Теперь ты знаешь. Ты всё ещё здесь?

Я смотрела на его руки. Чистые теперь, но образ сбитых в кровь костяшек навсегда врезался в память. Он не просил прощения. Не объяснял. Он просто показал мне цену входа в свой мир. И теперь ждал моего вердикта.

Воздух в салоне стал густым и тяжёлым, как свинец. Я могла открыть дверь и выйти. Сбежать обратно в свой простой, понятный мир, где самое страшное — это несданный

зачёт или нехватка денег до зарплаты.

Но я посмотрела на него. На его уставшее, замкнутое лицо. На глаза, в которых плескалась усталость целой жизни, прожитой на грани. И я поняла, что уже не могу уйти. Потому что за этой жестокостью скрывалась та самая искренность, которую он искал во мне. Уродливая, опасная, но — настоящая.

Я медленно протянула руку и накрыла ею его ладонь. Его пальцы были холодными.

— Я здесь, — сказала я тихо, но чётко.

Он не ответил. Не улыбнулся. Вдохнул, будто только что закончил бой, а мой тихий голос был сигналом к отбою. Его пальцы сжали мои не сильно, а скорее проверяя реальность прикосновения.

— Хорошо, — он выдохнул, и всё напряжение, всё ожесточение, казалось, покинуло его плечи. — Тогда поедem. Я отвезу тебя домой.

Мы ехали молча. Он не отпускал мою руку. Его большой палец проводил по моим костяшкам, и это лёгкое, почти неосознанное движение говорило о большем, чем любые слова.

У моего подъезда он вышел вместе со мной. Ночь была холодной и звёздной.

— Завтра, — начал он, но я перебила.

— Нет. Не завтра.

Он нахмурился, в его глазах мелькнула тень. Готовность к отпору.

— Я... я должна встретиться с подругой. Мы давно договорились, — поспешно объяснила я, чувствуя себя предательницей. — Вечеринка. Я не могу её подвести.

Он помолчал, изучая моё лицо.

— Мужчина? — спросил он ровным, бесстрастным тоном.

— Что? Нет! Нет, конечно, нет! — я даже вздрогнула от нелепости предположения. — Это Аля! Моя подруга, я тебе о ней рассказывала. Просто девичник.

Напряжение в его позе слегка спало.

— Аля, — повторил он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на... удовлетворение? Как будто он поставил галочку напротив ещё одного факта из моей жизни, взял его на контроль. — Хорошо. Тогда послезавтра.

Он не стал спрашивать, где и во сколько. Не потребовал подробностей. Он просто принял к сведению и отступил, дав мне пространство. Это было ново и немного пугающе.

— Послезавтра, — согласилась я.

Он кивнул, развернулся и ушёл к своей машине, не оглядываясь. Я поднялась в квартиру, чувствуя странную смесь облегчения и пустоты.

Весь следующий день я провела в нервном ожидании. Он

не писал, не звонил. Дал мне возможность прожить мой «нормальный» день. И это было хуже любой пытки.

Вечеринка у Али была шумной и весёлой. Я пыталась влиться в общую атмосферу, смеялась её шуткам, пробовала какой-то коктейль, который она мне всучила. Но внутри я была стеклянной. Каждый смех давался с усилием, каждая улыбка была нарисованной.

— Эй, с тобой всё в порядке? — наконец прижала меня к себе Аля, отведя в сторону. — Ты какая-то... не здесь. Тот твой Артём не звонит? Может, он тебя обидел?

— Нет! — я ответила слишком быстро и горячо. — Всё хорошо. Просто устала.

— Ладно, — она не выглядела убеждённой. — Но если что я рядом, помнишь?

Я кивнула, и комок встал в горле. Я ушла с вечеринки раньше всех, сославшись на головную боль. Дома было тихо и пусто. Я сняла платье, смыла макияж и упала в кровать, уставившись в потолок.

Телефон молчал.

В три часа ночи я не выдержала. Я взяла телефон и написала ему. Первой.

Я: «Всё хорошо?»

Ответ пришёл почти мгновенно, будто он держал телефон в руке.

«Всё хорошо. Ты дома?»

Я: «Да.»

«Спи. Я рядом.»

Я не спросила, что это значит. Прижала телефон на грудь и закрыла глаза. И впервые за весь вечер моё сердце наконец успокоилось. Он был рядом. Где-то в ночи. И этого было достаточно.

Глава 11

Просыпаться от звонка телефона было так буднично, так обыденно, что на секунду мир вернулся в свое привычное, безопасное русло. Я потянулась к тумбочке, всё ещё находясь в объятиях сновидений, где не было ни теней, ни сбитых в кровь костяшек.

— Алло?

— Вероник, ты ещё жива? — в трубке звенел голос Али, такой яркий и беззаботный, что резал слух. — Проснись, соня! Мне срочно нужен твой взгляд со стороны!

Я села на кровати, пытаясь стряхнуть остатки сна.

— Что случилось? Который час?

— Полдень, красавица! Слушай, я в бутике на Невском, тут такое платье... Я не могу решить, брать или нет. Мне нужен твой беспристрастный взгляд! Приезжай,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.